

Пролог

Давным-давно...
Огонь потрескивал, танцую и мерцая, отбрасывая тени на лица сражавшихся, а они тем временем изучали игровое поле.

— Эванджелина, ты едва притронулась к напитку. Все еще думаешь, что я могу тебя отравить? Признай, это дело давно минувших дней.

Ее глаза не отрывались от доски, когда рука потянулась за бокалом с вином, приправленным кровью. Она обхватила пальцами толстую керамическую ножку и слегка сжала ее, поднося к идеально накрашенным губам.

Игра подходила к концу, и она видела лишь один способ победить мудрого короля Территории Оборотней.

Отвлечь.

Поднеся бокал ко рту, Эванджелина сделала глоток чересчур насыщенной алой жидкости.

— Сложно сказать, старый друг, яд это или просто ужасное вино.

Ее губы дрогнули, она быстро подняла взгляд на короля и тут же отвела. В его глазах она увидела тот же интерес, что и всегда.

Ликан издал низкий лающий смешок.

— Наше вино не так уж плохо, Эванджелина. Вкус будет лучше, если станешь пить почаще.

Он прорычал ее имя, и вампирша, стараясь скрыть дрожь, наклонилась вперед и передвинула фигуру на доске. Король говорил о вине, но Эванджелина знала, о чем он просил, и это было гораздо больше, чем просто разделить с ним выпивку.

— Я думала, ты уже все понял, но, видимо, нет.

— Твой муж обесчестил тебя, а даже если бы и не обесчестил — он давно мертв. Ты ничего ему не должна, — мягко сказал король, кладя руку на край стола. Их пальцы почти соприкоснулись.

Эванджелина медленно подняла на него взгляд.

— Как я уже не раз говорила, это невозможно. Ни для кого из нас.

Эванджелина заставила себя отдернуть руку, но не сводила с короля пристального взгляда. Напряжение между ними росло, воздух накалился до такой степени, что она едва могла дышать от нахлынувших чувств.

Один поцелуй необъяснимо и бесповоротно связал ее душу с его. Ей следовало оттолкнуть его, никогда больше не смотреть в его сторону.

Губы Ликана дрогнули, и он подался вперед.

— Я не могу закрыть глаза, Эванджелина, но соглашусь просто поиграть с тобой в гляделки, потому

Жертва судьбы

что, если я этого не сделаю, не уверен, что твоя одежда останется нетронутой.

Ее вздох был произвольным, и сердце подпрыгнуло от того, что он предлагал.

— Я...

— Я знаю, кто ты, Эванджелина. Я никогда не забуду ни этого, ни того поцелуя, украденного посреди грозы и заставившего меня страстно желать женщину, которой я никогда не смогу обладать. Для меня не может быть никого другого. Я уже давно смирился с этим. Точно так же и тебе нужно признать, что в глубине души ты чувствуешь то же самое. Иначе зачем ты здесь?

Его смелые слова заставили Эванджелину забыть о причине, по которой она попросила тайной аудиенции. Конечно, это не было связано со скандальным романом, который лишит их обоих титулов, разорит родню и оставит умирать. Нет, она здесь не поэтому, хоть и не могла оторвать взгляда от его растянувшихся в полуулыбке губ, перестать ощущать притяжение мужского тела, склонившегося к ней... Она должна была догадаться, что все будет не так просто.

— Мой племянник Эдмунд стал настоящей угрозой, — тихо сказала она. — Я в растерянности.

Ликан откинулся на спинку стула, опустив взгляд на доску, поскольку они оба вели себя так, будто не оказались в нескольких секундах от чего-то, находящегося под запретом для их видов.

— Какого рода угрозой? — спросил Ликан.

Эванджелина встала. Пока она шла к камину, шорох ее шелковых юбок был единственным звуком. Смотреть на пламя гораздо безопаснее, чем в глубокие карие глаза Ликана. Она потеряется в них, если не будет осторожна.

— Он юн, ему еще только двенадцать, и я хотела бы надеяться, что его действия — результат юности, а не чего-то другого. Чего-то... ужасного. — Она сцепила руки перед собой, ухватившись за край шелка.

Ликан присоединился к ней у огня, встав рядом. Не касаясь, но максимально близко.

— Скажи мне.

Если ее брат, Король Стирлинг, узнает, что она говорит о деяниях его сына Эдмунда за пределами королевского дома, Эванджелина будет приговорена к смерти. Но она должна защитить тех, кто нуждается в ней.

— Это началось, еще когда он только научился ходить — Эдмунд мучил животных, которых ему удалось поймать...

— Наши щенки делают то же самое, — сказал Ликан, махнув рукой. — Так хищник учится охотиться.

Она медленно кивнула, а затем повернулась, чтобы встретиться с ним взглядом.

— Но разве ваши щенки растягивают мучения своих жертв? Смеются и радуются ли они, когда те, кем они лакомятся, часами проливают слезы? Я видела ваших щенков, они быстро убивают своих жертв, когда приходит время. А если нет, их останавливают. Старшие наставляют их.

Король молчал. Выражение его лица было серьезным, а Эванджелина поспешила продолжить, опасаясь, что остановится и не сможет рассказать самое худшее из того, что держала в себе.

— Эдмунд... ищет тех, кто будет ему доверять. Он ужасающе рано научился манипулировать, а его отец закрывает на это глаза, потому что Эдмунд — наследник трона, — прошептала она. — Я нашла трех человеческих служанок с отрезанными конечностями... языками... Они подверглись неопишуемым зверствам... и, когда я обнаружила их, они еще не были мертвы, Ликан. Эдмунд... Боюсь, он превращается в чудовище.

Волчий король затих рядом с ней, неподвижный, словно охотник, готовящийся напасть.

— Значит, ты хочешь, чтобы я убил его?

Эванджелина схватила его за руку прежде, чем смогла остановить себя.

— Боги, нет! Я не хочу, чтобы ты подвергся такой опасности, Ликан. Нам нужны хорошие союзники. Союзники, которые сражаются с честью и из любви к своему народу. — Ее горло сжалось, когда она подняла взгляд на Ликана. — Может, в моей жизни тебя и не будет, но я не представляю Империи Магии без тебя. Это не тот мир, в котором я хотела бы жить.

Эта правда не должна была соскользнуть с ее губ, и все же она вырвалась наружу.

Эванджелина продолжила настаивать, не дав Ликану времени осмыслить признание.

— И Эдмунд всего лишь мальчишка. Проблемный — да, но заслуживает ли он смерти? Нет. — Она

яростно замотала головой. — Он по-прежнему мой племянник, и я не могу так легко расстаться с ним.

Ликан уставился на нее, его голос был хриплым.

— Эванджелина... зачем ты делишься со мной этим, если я не могу помочь?

Она отпустила его и отступила назад, но Ликан последовал за ней, пока Эванджелина не оказалась прижатой к каменной стене.

— Есть еще один ребенок, Ликан. Тайный ребенок. Всего три дня назад он чуть не совершил невымыслимое, попытавшись убить собственного брата. Это чистая удача, что я вовремя нашла их и остановила его.

Ликан продолжал сокращать расстояние между ними, пока его грудь не коснулась изгиба ее тела. Его ноздри раздулись, когда он закрыл глаза и наклонил голову так, что его губы оказались на ее шее, и он заговорил:

— Говори прямо, Эванджелина, сейчас я не могу здраво мыслить, поскольку кровь приливает не только к мозгу. О чем ты меня просишь? Что тебе... нужно?

Голос Ликана снова понизился до рыка, и она поняла, что не в силах отвести взгляд и привести свои мысли в порядок, чтобы заговорить. Но ради ребенка, которого поклялась защищать и которого любила как собственного, должна это сделать.

Эванджелина прижала ладони к каменной стене позади и крепко вцепилась в камень. Желание прильнуть к Ликану всем телом было настолько

мощным, что ей лишь чудом хватало сил сопротивляться.

— Мне нужно, чтобы ты защитил ребенка, которого Эдмунд хотел убить, — прошептала она.

Взгляд Ликана опустился к ее губам.

— А взамен?

Ее губы задрожали, она снова произнесла опасную правду. Эванджелина не знала никого другого, кто сумел бы учуять ложь.

— Ты завладел моим сердцем. Душой. До конца вечности для меня не будет другого мужчины. Я принадлежу тебе, даже если мы не сможем быть вместе. Разве этого недостаточно? Знать, что ты и только ты держишь мое сердце в своих руках? Если бы я могла дать тебе больше, я бы сделала это, но не стану подвергать опасности тебя и тех, кого люблю и защищаю, отдавая тебе последнее.

Его взгляд смягчился, а горло сжалось; казалось, Ликан с трудом подбирает слова.

— Во всем этом огромном мире не найдется такой женщины, как ты, Эванджелина. Я спрячу тебя, уйду в царство людей и оставляю все это в прошлом, если ты пойдешь со мной.

Ее ресницы затрепетали, и Ликан поднял руку, чтобы смахнуть одинокую слезу.

— Я не могу. У меня, как и у тебя, есть обязанности. Семья, нуждающаяся в твоей заботе, — люди, которых ты любишь. Они окажутся в опасности, если ты уйдешь.

Он медленно придвинулся к ней. Эванджелина оказалась зажатой между стеной и крепким мускулистым телом короля-оборотня.

— Я все это знаю, но это не значит, что не могу желать большего. Мечтать о жизни, свободной от обязанностей. Желать быть с единственной душой, что поет в унисон с моей собственной. — Ликан снова прижался губами к ее шее, вдыхая аромат Эванджелины.

Не в силах больше сдерживаться, она медленно обхватила ладонями лицо Ликана, позволив пальцам пробежаться по заросшей щетиной линии подбородка, почувствовать жар его крови под смуглой кожей.

Они стояли там, вдыхая запах друг друга, наслаждаясь моментом и мечтая о большем. Время, проведенное вместе, станет воспоминанием, которое они сохранят, чтобы согреться им холодными зимними ночами.

— Ликан.

— Любовь моя, — прошептал он.

У Эванджелины перехватило дыхание, она с трудом выдавила слова:

— Ты обещаешь мне? Я должна знать, что будет тот, кто остановит Эдмунда, если для этого вдруг настанет время. Ребенок незаконнорожденный, но Оракул поведала о силе, что заключена в нем, — силе, которая однажды сможет бросить вызов силе Эдмунда.

Из его груди вырвался тяжелый вздох, казалось, Ликан изо всех сил пытался заставить себя пошевелиться, отступить назад.

Жар мгновенно пропал, ее руки соскользнули с его лица, глаза наполнились слезами при мысли о том, что она потеряла. О том, от чего должна отказаться, чтобы спасти тех, кого любит.

— Эти слезы говорят, что за всем этим кроется нечто большее, чем ты рассказала.

Он провел большим пальцем по ее щеке и поймал соленую каплю.

— Мы не сможем встретиться снова, Ликан, — сквозь слезы произнесла Эванджелина. — Брат всегда подозревал, что моего мужа в битве у оврага убили не испуганные жители материковой деревни. Я знаю, ты убил его за то, что он сделал со мной, но твой гнев не ускользнул от внимания Стирлинга. Он не дурак и не до конца поверил в клятву никогда больше не выходить замуж и игру в скорбящую вдову. Брат знает, что между мной и тобой что-то есть, и он прикончит нас обоих. Перемирие — это одно, но согласие на брак по любви между вампиром и оборотнем? Ни за что. Я забочусь не о себе, а о тех, кто нуждается во мне. И о тебе. Не хочу, чтобы тебе навредили из-за меня, ни за что на свете.

Волчий король склонил голову, затем медленно, очень медленно опустился на колени.

— Прожить жизнь без тебя, Эванджелина, сердце мое? Такие, как я, не способны жить вдали от своей

половинки. Нам не суждено жить без той, что заставляет волка выть от радости.

Эванджелина до крови прикусила нижнюю губу, но даже этого было недостаточно, чтобы удержаться от движения. Она упала перед ним на колени.

— Мой волчий король, не будет и дня, когда мысль о тебе не посетит меня, когда не захочу, чтобы ты был рядом. — Эванджелина тщетно пыталась сдерживать слезы — они текли по ее щекам, заливая шелковый верх платья. — Я буду любоваться тобой во снах каждую ночь, буду держаться за тебя там. Потому что только там мы можем быть вместе. Только во сне я могу быть самой собой, рассказать, как мое сердце вызывает к тебе. И бьется лишь для тебя одного.

Эванджелина притянула его лоб к своему. Минуты пролетали слишком быстро, она знала, что должна уйти. Скоро взойдет солнце, а здесь, на Территории Волков, у нее не было никакой защиты от него.

Стук в дверь нарушил момент.

— Мой король. До рассвета остался час, — раздался грубый голос по ту сторону двери.

Ликан провел ладонями по ее лицу, пытаясь остановить текущие слезы, но это было ему не под силу.

— Если б мог, я бы перевернул ради тебя звезды и луну, — мягко признался он, — но если единственное, о чем ты меня просишь, — защитить ребенка, тогда я изо всех сил постараюсь исполнить твою просьбу. Мы найдем способ уберечь его от солнца.

Эванджелина взяла Ликана за руки и встала, поднявшись одним грациозным рывком. Она всеми си-

Жертва судьбы

лами старалась вернуть себе утраченное самообладание. Настал страшный момент. Пришло время стать герцогиней, которой ее всю жизнь готовили быть. Подавить эмоции, взять себя в руки. Позаботиться о тех, кто не может защитить себя сам.

И все же Эванджелина цеплялась за его грубые руки, как за спасательный круг, от которого еще не была готова оттолкнуться.

— Она не нуждается в защите от солнца. Ребенок рожден человеческой женщиной.

Глаза Ликана расширились.

— Какая редкость.

Она повысила голос, позвав свою горничную:

— Анна, войди и возьми с собой нашу малышку.

Боковая дверь распахнулась, и в комнату вошла молодая женщина с закутанным малышом на руках.

Эванджелина медленно отпустила руки короля и шагнула к служанке.

— Иди ко мне, моя дорогая. — Она протянула руки, и ребенок потянулся к ней, широкая улыбка расплылась по благословенному, как у херувима, лицу.

Эванджелина позволила себе в последний раз сжать малышку в объятиях и поцеловать, затем повернулась к королю.

— Ваше Величество.

Словно по сигналу, ребенок, хихикая, помахал Ликану рукой.

— Привет.

Его взгляд смягчился, он покачал головой.

